

ИСТОКИ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЯ

Каждый век истории человечества по-своему уникален. Но для нас, ныне живущих, XX в. представляет особый интерес, потому что и по сей день мы живем в «долгом» XX в., остаемся, выражаясь языком советских классиков-фельетонистов его «продуктом эпохи» («Кто такая Екатерина Великая?» «Продукт эпохи»). Термин «долгий девятнадцатый век» ввели в научный оборот западные историки современности, применительно к периоду, начиная с провозглашения независимости США и до Первой мировой войны (1776-1914 гг.)¹. Некоторые из них, включив одного из авторитетнейших - британца Э.Хобсбаума, назвали «коротким XX веком» 1914-1991 гг., предоставив «честь» Советскому Союзу завершить эту эпоху своим распадом². Но, видимо, пока рано, выражаясь жаргоном историков, членить последний отрезок летописи человечества, который, возможно, назовут «долгим XX веком», включив начало XXI в.

Если избавиться от гипноза календаря, особенно наступления третьего тысячелетия, в определенном смысле мы все еще живем в «долгом XX веке», который перевернул историю человечества двумя мировыми войнами, пробуждением Востока, распадом последних империй, образованием почти сотни новых государств, модернизацией основной части человечества и невиданным взлетом инновационных прорывов, начиная от конвейера и атомной бомбы и кончая информационно-коммуникационными технологиями.

Размышляя над сегодняшним и завтрашним днем, нам волей-неволей приходится обращаться к XX в. В полной мере это относится и к Китаю, чье стремительное экономическое и геополитическое возвышение в последние десятки лет стало предметом особого внимания во всем мире. Вопреки ставшему сейчас расхожим представлению о «легкости» встраивания страны в мировые процессы, особенно рыночные, оно и для Китая было долгим и

трудным. Успех пришел после более чем века мучительных поисков путей современного развития, гражданских и внешних войн, революций. Как и в России/Советском Союзе, этот трудный путь изобилует пробами, ошибками и тоталитарными «перегибами», приведшими к бессмысленным человеческим потерям в десятки миллионов. В более широком историческом масштабе китаеведов интересуют вопросы: как объяснить внутреннюю логику китайской истории - периодической гибели и возрождения китайских империй? Каковы факторы, приводившие к социальным катастрофам в Китае? Носит ли эволюция этой страны фатальный циклический характер?

У истоков современной модернизации Китая, вовлечения его в поток современного мирового развития и возрождения страны стояла Синьхайская революция 1911 г. Она привела к крушению в 1912 г. просуществовавшей в той или иной форме более 2 тыс. лет династийно-монархической системы и стала спусковым крючком новой череды потрясений, завершившихся через многие десятилетия образованием КНР, началом нынешних экономических реформ и возвышением Нового Китая.

Летописи этого драматического поворота в судьбах Поднебесной посвящен фундаментальный труд нашего автора, авторитетного историка-китаиста, вед.н.с. Института востоковедения РАН Ю.В.Чудодеева «Крах монархии в Китае» (М., ИВ РАН, 2013, 392 с.). При этом его консультировали маститые китайские ученые - профессора Института всемирной истории Академии общественных наук Китая Чэнь Чжихуа и Чжан Гун.

Само по себе интересно то, как одна из древнейших цивилизаций, в конечном счете, «догнала» Запад, став второй экономикой мира и одной из ведущих мировых держав. Но, как представляется, анализ «великого похода» к модернизации еще и помогает лучше понять настоящее Китая и в какой-то мере - предсказать его будущее. Конечно, футурология - скользкая наука, но если относиться к ней как к анализу возможных альтернатив и тенденций развития отдельных стран, да и всего человечества, то она не только имеет право на существование, но и весьма полезна для получения научного знания. Более того, на мой взгляд, в связи с ускорением процесса усложнения человеческого общества сейчас как бы стирается грань между традиционным пониманием истории как науки о прошлом и исследованием настоящего. На протяжении жизни одного поколения настоящее становится прошлым, а будущее - настоящим.

Современная китайская цивилизация держится на двух столбах. Один из них - традиция глубиной более 3,5 тыс. лет, не считая более древних первичных земледельческих (неолитических) культур проса и риса³, которых иногда некорректно, по моему мнению, отождествляют с цивилизациями, которые обычно ассоциируются с письменностью, государством, крупными городами и т.д. (Видимо, с этим связаны и утверждения некоторых китайских историков о 5 или даже 7 тыс. лет существования китайской цивилизации⁴.)

Второй - опыт «догоняющего развития» в смысле долгого и бо-

лезненного усвоения современного промышленного образа жизни. Наиболее успешно формирующийся рыночный Китай проявил себя в последние три десятка лет, встраиваясь в нарождающееся глобальное высокотехнологичное общество XXI в.

Труд автора состоит как бы из трех разделов.

Первый - краткое, но ёмкое изложение истории китайской монархии, охватывающее более 2 тыс. лет; второй - поиски способов «догнать» промышленные общества, которые волей судеб сформировались на Западе, кризис Цинской монархии и ее крушение; третий - «долгие проводы» прошлого, в т.ч. в лице последнего императора Пу И, и выход страны на орбиту современного общества.

Обращение автора к истории в основном первом разделе книги более чем оправданно. Как подчеркивает он, Китай принадлежит к числу стран с древнейшей историей и непрерывно развивающейся культурой. Именно преемственность социально-экономического, политического и культурного развития составляет специфику Китая - его народа и государства. А процесс формирования государственности в стране неотделим от истории ее монархических структур, которые руководствовались курсом на укрепление государственного начала, целеустремленное выстраивание вертикали власти в политике, экономике и идеологии. Тенденция авторитарного, авторитарного управления огромным людским массивом заложена в китайской традиции, ведущей свое начало от конфуцианства (с. 375-376).

Ю.В. Чудодеев напоминает о том, что Восточная Азия, особенно ее северо-восточная часть, где складывалась китайская цивилизация, почти на протяжении всей своей истории была изолированным регионом, отделенным от других древнейших центров мировой цивилизации горами, джунглями, пустынями и огромными расстояниями. Это и определило автономно-уникальный характер формирования и развития ее цивилизации в замкнутом изолированном пространстве не только в древности, но, по большому счету, почти до конца XVIII в. (с. 8, 157-158). Правда, еще в седой древности состоялся значимый контакт с тогдашней Ойкуменой - заимствование ханьцами одомашненной лошади,

которую завез светловолосый, голубоглазый индоевропейский народ *тохаров*, совершивший еще почти 4,5 тыс. лет назад великий кочевой переход по воспетой Л.Гумилевым Великой степи с Северного Причерноморья до нынешнего северо-запада Китая, в основном, Синьцзяна⁵.

Более или менее безмятежное господство Китая в Восточной Азии, временами прерываемое завоеванием трона окитаевшимися «варварами» (монголами династии Юань и маньчжурами Цинской династии), было нарушено Западом. Как писал Хобсбаум, «перед купцами, паровыми двигателями, кораблями и пушками Запада - и перед его идеями - отступились и рассыпались в прах вековые цивилизации и империи»⁶.

«Вторжение Запада имело следствием насильственное включение в мировой социально-экономический и культурологический процесс - своего рода глобализацию - который проводился посредством колониальных и полуколониальных захватов, - считает автор. - Запад навязывал собственную модель развития, которую Китай с трудом был вынужден приспособлять к своим традиционным концепциям» (с. 377).

И все же я бы расставил акценты несколько по-иному.

Внешний фактор - поражения в торговых «опиумных» войнах с Великобританией и японо-китайской войне, безусловно, оказало огромное влияние и на Китай, положило начало кризису Цинской монархии, обострив его и подняв народные массы на борьбу с «заморскими варварами». Но пусть и испытав горечь поражений, в скукоженном состоянии, Китай оставался великой державой и вел себя как таковой по отношению к азиатским соседям (разумеется, кроме Японии). Ведь правители династии по-прежнему смотрели на свое государство как на центр мира - единственное средоточие цивилизации (с. 159).

Что касается унижений Китая, то, разумеется, они имели место. Но разве европейские державы не унижали друг друга?! Во время Столетней войны англичане завоевали пол-Франции и казнили Жанну д'Арк. Император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса в XII в. сравнял Милан с землей в буквальном смысле этого выражения, французские короли и Наполеон грабили Рим и другие итальянские города, вывозя бесценные

сокровища... А история поражений и побед Франции и Германии во франко-прусской и двух мировых войнах?! И так продолжалось до конца Второй мировой войны. К тому же «унижение» Цинской династии способствовало постепенному избавлению соседних стран сначала от китайского, а потом - и западного и японского владычества.

Как считают некоторые специалисты, имперская «обида» (в ряде случаев справедливая) до сих пор живет в умах и сердцах многих китайцев. По мнению американского профессора И.Бурумы, «патриотизм, основанный на столетии унижений, нанесенных иностранными державами, начиная от «опиумных войн» и кончая «нанкинскими резней»*, стал официальной идеологией»⁷.

Перемены навязывала сама жизнь. Основным двигателем внутренних потрясений в Китае всё-таки стали назревшая необходимость перестройки устаревших политической и социально-экономической систем и жесткая, а часто и жестокая, борьба между ее сторонниками и противниками. Позор военных поражений и гигантский социальный взрыв внутри страны еще в середине XIX в. заставил цинские верхи склониться к частичной модернизации государства, прежде всего военной сферы.

Как бы мы ни относились к Петру I, его преобразования стали «маяком» и для авторитетнейшего сторонника реформ в Китае в досинхайский период Кан Ювэя, как и для «отцов» Реставрации (революции) Мэйдзи в Японии в 1868 г., а еще раньше - султана Османской империи Селима III (1789-1807) и знаменитого Мухаммеда Али Египетского (1805-1848). Примером для китайских реформаторов была и Япония, покончившая с неравноправными договорами, многие оппозиционеры, включая Сунь Ятсена, даже нашли там пристанище во времена гонений. В отличие от Китая Страна восходящего солнца более двух веков была отгорожена от Запада не только традицией и высокими горами, но и полным разрывом любых контактов, кроме небольшого островка в Нагасаки, на котором мне довелось побывать. «Открытие

* «Нанкинская резня» - массовые убийства и зверства японских милитаристов в Нанкине в 1937 г.

Японии» в смысле извлечения ее из собственного кокона произошло в 1853 г. благодаря пушкам американской эскадры коммодора Перри. Т.е. «навязывание» имело место. Но японцы быстро сообразили, что на островах не отсидишься, и успешно борются с Западом, кстати, к которому тогда причисляли и царскую Россию ввиду ее экономической и военной мощи, можно только его же оружием. И в течение нескольких десятилетий преобразовали страну, «догнав» экономически развитые державы.

Падение монархии в Китае стало не только водоразделом истории страны, но и важной частью всемирно-исторического процесса (с. 5).

Как отмечает Ю.В.Чудодеев, «начался сложный, мучительный процесс взаимодействия двух разных жизненных систем и установок, при котором не только противостояли, но и взаимно дополняли друг друга западный техницизм, китайская конфуцианская духовность, западный реализм и китайская иррациональность, идея равноправия и тяга к иерархичности, радикализм и стремление к эволюции» (с. 377).

В отличие от Франции конца XVIII в. и России начала XX в. последний китайский император Пу И и после крушения монархии оставался авторитетной политической фигурой чуть ли не до конца Второй мировой войны, даже став марионеткой японских милитаристов. Окончательно крест на династии поставил Советский Союз после капитуляции Квантунской армии в августе 1945 г., когда Пу И взяли в плен советские десантники. Он отсидел в хабаровском спецлагере пять лет, после чего был передан властям КНР. Но и они обошлись с Пу И

довольно милостиво: судилища не было. Правда, ему все же пришлось покаяться мемуарами, видимо, хорошо «отредактированными» агитпропом. Он трудился в Пекинском ботаническом саду, даже был избран депутатом парламента страны, завершив свой земной путь в 1967 г. (с. 371-374).

При сопоставлении истории Китая с Россией бросается в глаза еще одно, на мой взгляд, недооцененное (в российской историографии) обстоятельство, а именно: в России заканчивались крахом все путчи «силовиков», за исключением дворцовых переворотов во главе с одним из претендентов на престол в XVIII в. (к этой категории можно отнести и смещение Н.С.Хрущева в 1964 г.), будь то стрельцкий бунт 1698 г., декабристский, корниловский или ГКЧП. Видимо, и во время гражданской войны решающую роль сыграло то, что у большевиков было политическое руководство, а Белая армия так и осталась под рукой храбрых, но мало соображавших в большой политике военачальников. В Китае же в период правления императрицы Цы Си под влиянием внутренних (тайпинское восстание) и внешних (войны) факторов на передний план стали выходить наместники - лидеры региональных военных группировок. Глава мощнейшей из них - Бэйянской - Юань Шикай не только сыграл решающую роль в мирном свержении маньчжурской династии, но и стал первым президентом республиканского Китая. После его смерти в «эпоху милитаристов» (1916-1928 гг.) генеральские клики фактически разорвали на части прежде единую империю. Затем к власти пришло военно-партийное правительство (Гоминьдан)⁸. Судя по всему,

компартия Китая учитывает эти уроки прошлого, держа армию под пристальным вниманием.

Свой труд автор завершает такими словами: «Размышляя о судьбах современного Китая в связи с анализом синьхайских событий, хочется надеяться, что Китай исчерпал свое время революций, которые, как показывает история, ведут к неисчислимым жертвам и катастрофическим последствиям» (с. 382).

Думается, к этому пожеланию присоединятся все друзья и партнеры Китая и даже не самые глупые недруги: слишком дорого обошлись бы потрясения в Поднебесной всему миру. К сожалению, риск неблагоприятного поворота событий остается: политический каркас китайского общества жестковат, по гибкости он уступает, скажем, Индии при всем ее внешнем бурлении. Вслед за социально-экономическими реформами стране требуется более основательная структурная перестройка политической системы, хотя бы ради обеспечения ее гибкой прочности. Лишь время покажет, насколько гладко пройдет этот процесс.

Полезным пособием для осмысления настоящего и будущего Поднебесной может послужить и труд Ю.В.Чудодеева, а научно-популярный стиль изложения позволяет привлечь интерес широкого круга читателей, включая не только специалистов, но и всех любителей истории, политологии и футурологии.

*Е.М. РУСАКОВ,
кандидат исторических наук,
обозреватель журнала «Азия
и Африка сегодня»
по проблемам стран
Восточной и Южной Азии*

¹ Хобсбаум Эрик. Век империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону, 1999, с. 15-16.

² Hobsbawm Eric. The Age of Extremes. History of the World, 1914-1991. N.Y., Vintage Books, p. 3-11.

³ Palmquist Lennart. The Great Transition. First farmers of the Western World, p. 17-35; Barnes Gina. China, p. 134-137 // Burenhult Goran, gen. ed. People of Stone Age. Hunter-gatherers and Early Farmers. Harper-SanFrancisco, 1993.

⁴ Подробнее см.: Русаков Е.М. Вне времени и вне пространства // Азия и Африка сегодня, 2009, № 11 (прим. ред.).

⁵ Mallory J.P. In Search of Indo-Europeans. Language, Archeology and Myth. N.Y., 1991, p. 56-63; Anthony David W. The Horse, the Wheel

and Language. How Bronze-Age Riders From the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. N.J., Princeton University Press, 2010; Wayland Barber Elizabeth. The Mummies of Urumchi. N.Y., L., W.W.Norton&Co., 1999.

⁶ Хобсбаум Эрик. Век революции. Европа 1789-1848. Ростов-на-Дону, 1999, с. 11.

⁷ Burma Ian. A Dangerous Rift Between China and Japan. As the U.S. urges restraint, Asia's two great powers play politics with the past and court a crisis // The Wall Street Journal, 11.05.2013.

⁸ Подробнее см.: Непомин О.Е. История Китая. XX век. М., ИВ РАН, 2011, с. 176-272.

От редакции. В статье Рощин Г.Е. Международные корпорации в Африке, опубликованной в № 12-2013, на с. 32 (внизу третьей колонки, на третьей строке последнего абзаца) допущена опечатка. Следует читать: «... механизмов СНУК в мире...».